

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. ДМИТРИЕВА

СОЦИАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ/ИСКЛЮЧЕНИЕ КАК ПРИНЦИП СТРУКТУРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются перемены, произошедшие в понимании способов структуриации современных обществ. Очевидным становится, что традиционная интерпретация бедности и социального неравенства как существенного разрыва в уровнях экономического благосостояния уходит на задний план. Вперед выходят не столь однозначные и очевидные различия, в рамках которых концепция «включение/исключение» выглядит наиболее перспективной. Причем эта пара не всегда оказывается парой противоположностей, напротив, все чаще исключение из одних групп сопровождается включением в другие, то есть перемещением не вниз или вверх, а внутрь или вовне. Анализируются некоторые типы социального исключения и включения, характерные для современного российского и других обществ.

Ключевые слова: бедность, включение/исключение, социальный капитал, структуриация.

В современных социальных науках привычные представления об иерархической классово-групповой структуре общества дополнились критериями иного порядка, определяемыми как включение (инклюзия) и исключение (эксклюзия). В статье рассматривается влияние различных процессов на включение/исключение — от социализации до глобализации, от обеспокоенности более обеспеченных слоев собственной безопасностью до трансформаций общественного устройства в сторону «общества потребления». В заключении нами анализируется

Дмитриева Александра Владимировна — аспирант и ассистент кафедры социологии культуры и коммуникаций факультета социологии СПбГУ. Адрес: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд. Телефон: +7 961 802-34-30.
Электронная почта: alexandra.dmitrieva.uni@gmail.com

внутренняя структуризация российского общества и его место в глобальном мировом контексте.

Концептуализация новых представлений: от понятия бедности к идее социального исключения

По мнению П. Абрахамсона, «предыдущая, классовая стратификация, делившая людей на вертикальные слои, постепенно замещается горизонтальной дифференциацией на “инсайдеров” и “аутсайдеров”» [1, с. 158]. А. Турен еще более резко подчеркивает переход от «вертикального» общества к «горизонтальному», в котором «наиболее важно понимать, не внизу люди или наверху, а в центре они или на периферии» [37, р. 20]

Исключение и социальная стратификация. Изначально определения понятия «социальное исключение» тесно переплетаются с понятиями «депривация» и «дискриминация». Весьма близкое к современному смыслу исключения определение депривации дал еще А. Смит, обозначив ее как «неспособность появляться на публике без стыда». Продолжая классика, нобелевский лауреат А. Сен, понятие «бедность» заменяет понятием «исключение», которое интерпретируется как поиски обстоятельств, в которых личность является абсолютно депривированной в способности функционировать (действовать или существовать), не испытывая стыда.

Термин «социальное исключение» был введен Р. Ленуаром для обозначения ситуации, в которой находятся социально незащищенные группы населения, такие как дети-сироты, инвалиды, умственно или физически отстающие, безработные, бомжи и прочие «человеческие отбросы» (термин З. Баумана — *wasted people*). Такой подход к исключению акцентирует внимание на неравномерном распределении благ в обществе и доступе к его ресурсам и вследствие этого — недостаточном удовлетворении потребностей людей.

Данная интерпретация эксклюзии близка концепции бедности, но, как пишет П. Абрахамсон, бедные никогда прежде не были исключенными, так как составляли большую часть населения. В отличие от исключенных, бедные были интегрированы в общество, и, несмотря на низкий уровень жизненных стандартов, не выпадали из социальных сетей. Неравенство и бедность стали интерпретироваться как приводящие к социальному исключению в современных обществах, построенных на нормах и ценностях равенства и равных прав людей. В традиционных, кастовых и классовых обществах принцип иерархии, разделяемый всеми, обеспечивал каждому индивиду определенное место в общественном целом, то есть включение и идентичность, а совокупности индивидов — символическое единство. Так, в европейских средневековых коммунах (местных общинах) осиротевшие дети и одинокие старики оставались в сообществе, которое находило

возможности их размещать и обеспечивать пропитание, как правило, в «замещающих» семьях. Дети, подрастая, отрабатывали свой хлеб в принявшем их доме и хозяйстве, причем возраст, когда они могли покинуть «усыновителя», заранее оговаривался. Нищенство и попрошайничество на Западе было социально осуждаемым, в отличие от России, которую называли «нищелюбивой». «Однако нищелюбие также было формой социального принятия, если не включения, работавшей на символическое единство нищих и тех, кто им подавал. Такой представляется картина социальных взаимосвязей до Петра I, который поставил вопрос об искоренении нищенства и наказании как нищенствующим, так и тех, кто замечен в подаянии» [7, с. 68].

Опираясь на российский опыт, Н.В. Тихонова делает выводы, что «определенный уровень дохода (как и наличие других ресурсов, например сети “нужных” связей, в конечном счете, также отражающихся на совокупном доходе), позволяет находить альтернативные общепринятым механизмы интеграции в общество и избегать социальной эксклюзии, даже когда явления дискриминации будут иметь место» [21, с. 6]. Таким образом, главным отличием концепций эксклюзии от концепции бедности, является смещение акцента от неравенства в распределении благ и споров о наиболее справедливом распределении — к равным гражданским и социальным правам. Они могут ущемляться путем ограничения доступа к институтам социальной интеграции и восходящей мобильности, в первую очередь, к образованию.

Однако и тут в российских условиях возникает нечто особенное. Образование и профессиональная квалификация как основной канал социальной мобильности и предотвращения воспроизводства бедности в последние десятилетия перестают работать, что отмечают многие авторы [13; 24]. Наиболее аргументированными и обоснованными представляются выводы О.И. Шкаратана о том, что в России сложился своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации [24]. Преобладание властно-собственнических отношений в современном российском обществе требует и аналогичных ресурсов для успешной социальной интеграции и мобильности.

Capability approach («подход возможностей»). Так называется радикально-либеральный подход А. Сена, пока не встречающий в России большого интереса. Сен предлагает дополнить критерий А. Смита и рассматривать социальное исключение с точки зрения аристотелевского подхода [19]. Аристотель видел смысл жизни человека в активности, в частности в политической деятельности, тогда как практики исключения направлены на жесткое разграничение включенных и исключенных, следовательно, они вызывают разрушение социальных

связей и активности. Это усложняет возможности участвовать в деятельности, направленной на самореализацию, и тем самым лишает жизнь исключенных индивидов смысла. Аргумент Сена заключается в том, что неравенство доходов и расходов менее важно, чем неравенство фундаментальных свобод. Он переопределяет бедность как объективное сокращение возможностей личности (*capabilities*), ее свободы выбирать и действовать. *Capabilities* не являются тем же самым, что и *abilities* (способности). Первый термин относится не только к тому, что люди способны делать, но и к их свободе вести образ жизни, который они ценят, считают важным и имеют на это свои основания. *Capabilities представляют существенный зазор между материальными ресурсами и человеческими достижениями.* Сен интерпретирует жизнь индивида как «его фактическую способность осуществлять те или иные формы функционирования, значимые для данного индивида» [34, р. 155]. Доступность всех ресурсов для максимально полного осуществления индивидом значимых для него функций является, по Сену, подлинной свободой в отличие от либералистской трактовки свободы как легального разрешения определенной деятельности. Концепция А. Сена активно критикуется как вуалирующая проблему бедности и лишений [19]. Однако неочевидно и то, что традиционные проблемы неравенства могут быть решены (смягчены) экономическими или политическими средствами [15].

Исключение как следствие глобализации. Испанский исследователь А.Б. да Коста подчеркивает, что в отличие от бедности, которая имеет прямое отношение к застойной безработице и нехватке материальных ресурсов, социальное исключение — более динамичная концепция [31]. Можно представить себе исключение как процесс «постепенного закрытия социальных дверей». З. Бауман, посвятивший несколько книг последствиям глобализации, в качестве одного из них выделяет социальное исключение — как в форме «выброшенных отходов», так и в другой, которую в некоторых контекстах он называет «продвинутой маргинальностью». Л. Вакан, развивая эту концепцию, акцентирует внимание на том, что современные «продвинутые маргиналы» вынуждены использовать «индивидуальные стратегии самообеспечения, теневую занятость, подпольную коммерцию и квазиинституционализированные пробивные способности, что едва ли облегчает их ненадежное положение» [38, с. 127].

В России намного позже, чем на Западе, внимание ученых привлек вопрос, как и почему на периферии общества формируются устойчивые группы асоциального, хотя и не обязательно криминального, характера. О.Н. Яницкий связывает проблему социального исключения со «сдвигом» от «обеспокоенности государства и общества экономическими и социальными причинами “перенаселенности” к

обеспокоенности обеспеченных слоев их личной безопасностью. Страхи последних — прекрасная почва для процветания индустрии безопасности, которая, с одной стороны, формирует частный “рынок безопасности”, а с другой — становится одним из главных ведомств по обработке “человеческих отходов”» [25].

Исключение в процессах социализации. Понятие социального исключения (эксклюзии) связано и с процессами социализации. Практики социального включения/исключения осуществляются как на индивидуальном уровне, в процессе социализации, так и на общесоциальном, на уровне государства в целом. Исключением на индивидуальном уровне называют нарушение правильной социализации, выталкивание, выход за пределы нормального сообщества, приводящие к длительным последствиям. Например, перемещение подростка из обычной школы во вспомогательную или вечернюю, как правило, исключает его из возможности получить послешкольное образование. Это один из путей практической реализации существующих научных понятий «неуспешная социализация», «формирование криминальной карьеры», «отторжение», «стигматизация», по смыслу близких к исключению. Формирование «исключенного» стиля жизни часто связывают с нарушениями «правильной» социализации, которые происходят в детском или подростковом возрасте. Тем самым программируется представление о том, что первичная социализация накладывает отпечаток на всю последующую жизнь. Однако как подчеркивает И.А. Григорьева, социализация — это непрерывный процесс: «...нелегко или даже трудно быть и молодым, и взрослым, и пожилым, но это определяется не столько возрастом, сколько особенностями социальной среды, в которой протекают процессы социализации» [8, с. 64].

На следующем уровне начинают говорить о «группах риска», например «девиантных подростках» или «неполных семьях». Так, все социологи соглашались, что современная семья интенсивно меняется, хотя кто-то видит в этом кризис, а кто-то — естественную эволюцию семьи. Но мнение о том, что неполная семья (монородительская, или соло-семья) неполноценна, постоянно тиражируется и транслируется, хотя доказательства воспитательной несостоятельности таких семей не слишком убедительны. Другие же варианты совместной жизни вообще рассматриваются с точки зрения «немедленного пресечения и полного запрета», хотя в современном мире все знают, например, что исламская мораль считает нормальным многоженство.

По утверждению З. Баумана, «сегодня даже в самых демократических странах государство по-прежнему притязает на фундаментальную конституирующую прерогативу суверенности: на право исключать» [29, р. 21]. Так, российское государство в ситуации общественного недовольства только что закончившимися выборами Думы и

Президента, похоже, готово использовать самые жесткие номинации для тех, кто не согласен с результатами выборов. Уровень социального исключения регулируется посредством социального контроля и субординации, использования полиции для разгона демонстрантов и последующих судебных решений. Прав, видимо, З. Бауман, который видит в подобных действиях разновидность «рискового менеджмента», а не управление ситуацией средствами социального включения (интеграции).

Включение как оборотная сторона исключения

Ресурсный подход. Под термином «социальное включение», или инклюзией, понимают процесс интеграции, вхождения в общество. Как и процессы исключения, процессы включения происходят на разных уровнях. Если отойти от связи процессов включения и концепции непрерывной социализации, о которой мы говорили выше, то процессы инклюзии представляются распределенными как минимум в трех социальных измерениях, которые подробно описывает Н.Е. Тихонова. Так она выделяет три уровня включенности, или измерения социального капитала: (1) включенность в неформальное общение с друзьями и знакомыми; (2) участие индивидов в общественных организациях, ассоциациях, неформальных сообществах; (3) наличие связей с индивидами из высоких страт общества, к которым при необходимости можно обратиться за той или иной помощью. Исследователь подчеркивает различие, существующее между реальным социальным капиталом индивидов и близкими по функциям ресурсами. Это различие заключается в том, что социальный капитал может инкорпорироваться в экономический, тем самым влияя на экономическое положение отдельных индивидов. Или, по крайней мере, наличие активизирующихся в нужный момент связей может избавить от лишних финансовых затрат, то есть сохранить уже накопленные индивидом экономические ресурсы. Эти же связи могут существенно упростить доступ к малодоступным, например властным, ресурсам или помочь не потерять «социальное лицо», то есть не быть стигматизированным [22]. Очевидно, что процессы включения во многом связаны с распределением социального капитала внутри различных групп и возможностями одних «заимствовать» его у других индивидов из более обеспеченных групп. Хотя в жизни мы все-таки чаще наблюдаем взаимодействия и взаимообмены ресурсами индивидов из сходных социальных групп.

Как мы уже подчеркивали, Н.Е. Тихонова акцентирует внимание на возможности перевода социального капитала в форму экономического (и в этом заключается основная функция первого). Это, безусловно, проясняет логику процессов включения/исключения, но все же не до конца раскрывает все существующие механизмы, запускающие

или сдерживающие эти процессы. Тем не менее, именно неравномерное распределение экономического капитала по-прежнему остается наиболее очевидной причиной социального неравенства, хотя и не объясняет его. В этом смысле связка социальный – экономический выглядит весьма перспективной, особенно в странах, где даже бюрократические отношения могут строиться на доверительных родственно-клановых основаниях.

Включение/исключение в обществе потребления. Хотя условия и предпосылки включения и исключения тесно связаны друг с другом, считается, что в российской научной литературе социализация изучена гораздо лучше десоциализации. Это говорит о том, что эти пары понятий все же обозначают разные процессы. Социализация изучена, а инклюзия, ее технологическая ипостась, — нет. Изученной оказывается скорее техническая сторона вопроса, которая касается тех исключенных, чьи физические или другие ограничения мешают им вести нормальный образ жизни, не чувствовать тяжесть приобретенной стигмы. Так анализируются результаты и перспективы трансформации городского пространства, учитывающие нужды инвалидов-опорников; изменения, происходящие в жизни бездомных, для которых строятся ночлежки и пункты раздачи бесплатной еды; определяются возможности для профилактики ВИЧ/СПИДа через создание групп, распространяющих соответствующую информацию, и прочее.

В современном обществе потребления прежде разнонаправленные процессы (включение/исключение), все больше притягиваются, а не отталкиваются в противоположные стороны, тем самым становясь разными гранями одного процесса. Устоявшиеся экономические критерии неравенства, по-прежнему преобладающие, дополняются менее изученными и однозначными. Там, где были «богатые» и «бедные», возникают стили жизни бедных и стили жизни богатых, между которыми образуется еще более разнородное пространство стилей жизни, потребления и прочего отдельных групп и даже отдельных индивидов. Появляются общественно одобряемые и осуждаемые стили жизни, которые и становятся фактором исключения/включения. Множественность и многомерность современного общества, развивающегося одновременно и внутри и вне устоявшегося социального порядка, создают определенные концептуальные трудности при попытках структурировать это общество. Любые категории, в конечном счете, оказываются не более чем социальными конструктами, «текучесть» и «гибкость» которых зависят лишь от принятых и удобных на конкретный момент определений. Как отмечает Бауман, то, что казалось удовлетворительным вчера, становится опасным сегодня, то, что считалось нормальным, сегодня требует лечения [3, с. 87], в том числе социального и государственного.

Включение и исключение как особенности стилей жизни. Процессы исключения все больше носят характер смены одного стиля жизни другим: исключаясь из одних отношений или деятельности, индивиды включаются в другие, уже необязательно стигматизирующие или негативно влияющие на предшествующее социальное положение. Вместо застойной «культуры бедности» [17; 26], как последствия резкой смены общества производства обществом потребления, возникает «стиль жизни бедных» [5]. Происходит это, по мнению ряда авторов, не из нужды и реально низких доходов, а из удобства или даже удовольствия чувствовать себя «ущемленным», «неприглаженным» заботливой рукой государства. Для удовлетворения нужд и потребностей таких групп возникают новые и новые социальные службы, стремящиеся, в сущности, не помочь, а закрепить существующие самоопределения, самоощущения нуждающихся в помощи групп населения.

На волне происходящих изменений возникают и новые поводы для исключения. Стиль жизни, разобранный на детали, зачастую противоречащие друг другу с нормативистской точки зрения, может содержать массу причин для исключения. Так, профессиональные достижения и высокий уровень образованности без соответствующего высокого стиля потребления, например, пищи или одежды, может выдавать в индивиде не того, кем он хочет казаться, а того, кем он действительно является [4]. Это вряд ли исключит его из профессионального сообщества, но может стать поводом для исключения на межличностном уровне.

К несчастью, включение/исключение — вопрос не только межличностных отношений, в которых каждый волен дифференцировать различные явления или других индивидов исходя из уровня собственной «испорченности». Существенную роль в этих процессах, как мы уже отмечали, играет государство. Именно государство не только выбирает тех, кто подлежит исключению, но и разным видам исключения предписывает свои формы наказания — от медицинского вмешательства туда, где нет болезни, до тюремного заключения там, где нет преступления. Логика действия государства, за редким исключением, не успевает за логикой развития общества, почти всегда влияние государства универсальное, а не дифференцированное. На момент написания статьи последним примером тому стало внесение в закон Санкт-Петербурга об административных правонарушениях двух новых статей: за публичную пропаганду гомосексуализма, бисексуализма и трансгендерности среди несовершеннолетних, а также за пропаганду педофилии. Под влиянием возмущенной общественности во время подготовки этого законопроекта изначально единая статья была разделена на две самостоятельные. Но в конечном варианте

наказание в обоих случаях осталось аналогичным, что фактически приравнивает нетрадиционную сексуальную ориентацию к педофилии [9]. Такой законодательный ход существенно расширяет пространство для административно-правовой стигматизации и социального исключения.

Таким образом, единственным способом ограничивать социальное исключение являются практики включения в нормативные сообщества, которые (практики) могут и должны осуществляться государством. Однако на данный момент действия российского государства и в политике, и в решении социальных проблем более направлены на поиски новых причин и номинаций для исключения, а также на последующую изоляцию ненормативных индивидов от нормативного общества. Парадокс в том, что пока связи внутри исключенных сообществ, формирующихся на основе включения в ненормативные практики, постоянно расширяются и укрепляются. А положение разьедаемой страхами и тревогами нормативной части российского общества не становится более прочным или высоким.

Социальное исключение в современных обществах и российская специфика

Глобализация социального исключения. Как замечает Д. Янг, не только отдельные государства характеризуются как «исключенные», но и сам период так называемой «поздней модерности» отличается переходом от включения к исключению, в котором исключенных — большинство [39]. Глобализируются и унифицируются как практики включения, так и практики исключения, общественно поощряемые и общественно осуждаемые.

П. Абрахамсон отмечает по поводу европейских стран: «И хотя бедность по-прежнему остается основным понятием, фактор ее роста составляет 1,5 раза, что вдвое ниже фактора роста категории “социальная эксклюзия” (3 раза)» [1, с. 158]. Мы видим «общества в обществах» на примере развитых европейских стран, в которых «традиционное классовое капиталистическое общество с большой долей рабочего класса, незначительной прослойкой мелкой буржуазии и еще меньшим слоем собственно буржуазии превратилось в общество большой средней массы, небольшого элитного слоя и растущего меньшинства социально исключенных (андеркласса)» [1, с. 163]. Концепция так называемого государства благосостояния (welfare state), которая актуальна, в первую очередь, в западных странах, как пишет Э. Гидденс, по сути, превратилась в машину, обеспечивающую интересы господствующего среднего класса [33, p.181]. Однако и эта концепция, и реально существующие развитые государства благосостояния с начала 1990-х находятся в непрерывном кризисе. Кризис связан, как убеждены многие авторы, с эрозией социального государства

из-за все большего доминирования идеологии неолиберализма и ухода государства с поля важнейших социально-политических решений. Жертвами этого процесса становятся не только бедные, но и «средний класс обеспеченных работников». Они обладают специальными знаниями и высокой квалификацией, но их значимость сегодня катастрофически падает, поскольку операции с финансами и перепродажей собственности оказываются гораздо более выгодными для владельцев бизнеса, нежели реальное производство товаров и услуг» [36, р. 36]. В разных странах можно наблюдать все более активное перераспределение доходов и инструментов для их получения в пользу крупного бизнеса (trickle-up effect) в противовес «эффекту просачивания благосостояния» (trickle-down effect), который был обещан либералами.

Известно, что в структуре российского общества очень велик разрыв между бедными и богатыми, тем не менее и эта ситуация постепенно меняется в сторону дифференцирования «горизонтальных», а не «вертикальных» характеристик общества. Следовательно, устоявшиеся категории неравенства постепенно становятся менее актуальными, так как структура современного общества меняется. При этом традиционные марксистский и веберийский подходы недостаточны для объяснения ситуации, сложившейся в России, так как в нашей стране социально-экономический статус индивида, как отмечалось выше, зачастую не связан с его профессиональными характеристиками, а социальная структура не основана на социальных классах, или классы являются очень размытыми. Н.Е. Тихонова отмечает, что: «Процесс формирования социальной структуры не завершен, его тормозят разнонаправленная роль человеческого капитала, диспропорции в развитии регионов и типов поселения. Ресурсный подход в анализе специфической российской социальной структуры наиболее перспективен, поскольку место человека зависит от типа актива/капитала, которым он располагает, от наличия востребованных и невостребованных капиталов. Можно наблюдать также высокую степень кристаллизации социальных статусов, появление новых социальных групп, сконцентрировавших у себя основные активы и получающих за них ренту. Но у многих, особенно в провинции, нет никаких ресурсов. Современное расслоение — результат наличия с начала 1990-х различных ресурсов у различных групп населения» [20, с. 5].

Проблема территориального исключения в России. На примере российского государства мы наблюдаем феномен «глубинки», которая, по мнению Н.В. Зубаревич и В.И. Ильина, — один из ключевых элементов социально-территориальной структуры России. Именно глубинка занимает основную территорию страны, но она же является «исключенной» территорией. Она изолирована от центров власти и

богатства плохими дорогами, плохой связью, недостатком информационных ресурсов и прочего [10; 12, с. 25–47]. В глубинку очень медленно просачивается все: и современная занятость, и рост уровня жизни и даже разнообразие СМИ, ограниченных ВГТРК и 1-м каналом ТВ.

Размер страны политиками обычно рассматривается как ресурс, но ведь это и важнейшая причина исключения как людей, так и целых регионов из модернизационных процессов. Нам представляется, что только после того, как степень пространственной доступности основных социальных ресурсов существенно вырастет, можно будет отказаться от привычных акцентов, связанных с бедностью и неравенством. У многих людей в провинции нет никаких ресурсов, даже для того, чтобы перебраться куда-то поближе к городским центрам. В то же время у широкой общественности мысль о том, что в современных условиях Россия может развиваться только неравномерно, вызывает протест. Исследования различных аспектов социального исключения давно показали, что одно только выравнивание доходов или увеличение размеров социальных пособий не решает задачу «социального роста» и окультуривания потребностей исключенных групп. Видимо, необходимо отказаться от заикленности исследований и практической работы на низком уровне жизни и пособиях как основном виде помощи разным группам реципиентов.

Драма глубинки может заключаться и в том, что в ситуацию застойной бедности попадают и могут в ней задержаться постоянно работающие люди, это показала С. Ярошенко [27]. СМИ повторяют старую поговорку «Где родился, там и пригодился», которая могла быть хороша в условиях аграрного общества, но определенно неуместна для жителей мелких населенных пунктов, особенно молодых, в современных условиях. Отсутствие понятия постоянного локуса проживания, доходоприносящая работа в инфокоммуникациях или с их помощью и «креативный дауншифтинг» характерны для «золотого миллиона», считает Н. Покровский, но могут ли они изменить что-то для жителей глубинки? [18].

Некоторые механизмы исключения. В конструировании «включенных» и «исключенных» участвуют качественно различные дискурсы и «социальные группы влияния». Г. Беккер в работе «Аутсайдеры» писал о таких группах как о создающих девиацию, «поскольку они следуют правилам, нарушение которых считается девиацией; кроме того, группы влияния навязывают эти правила другим людям, а тем, кто не следует этим правилам, “наклеиваются ярлыки” аутсайдеров» [20, р. 9]. Представим себе ось стигматизации, на одном полюсе которой — частное межличностное номинирование, противопоставляющее нормативные индивидуальные практики ненормативным, а

на другом — номинирование на основе уголовного права, обобщающее, в терминологии Фуко, индивидуальную «ненормальность». Между этими полюсами помещаются медицинский и административно-правовой типы номинирования и стигматизации, в конечном счете, также ведущие к последующему исключению.

Одним из этапов развития медицины становится ее включение в социологический дискурс, когда болезнь превращается из физического отклонения в отклонение от общепринятой социальной нормы, то есть девиацией. Врачи получают возможность ставить не только медицинские, но и общественные диагнозы, ограничивающие, помимо физических, еще и социальные возможности больных.

Медицина структурирует социальное пространство на больных и здоровых. Этот тип стигматизации приводит в действие механизм документального фиксирования номинации и «отложенного» эффекта. К стигматизирующим болезням можно отнести психические заболевания, ВИЧ/СПИД, венерические болезни, туберкулез, синдромы зависимости от психоактивных веществ (алкоголизм, наркомания). Наличие стигматизирующей записи о постановке на учет в медицинское учреждение чаще всего либо случайно, либо в той или иной мере насильственно (в расчет не берутся случаи вынужденной госпитализации, планового лечения и проч., действительно вызванные ухудшением состояния здоровья). Естественно, речь не идет об общественно принимаемых болезнях, вызывающих не только сочувствие, но и в некоторой смысле «одобрение». В таких случаях, подтверждение болезни индивида может иметь не стигматизирующий, а обратный эффект.

Развитие индустрии социальной работы и специфику «клиентизма» в этой сфере анализирует И.А. Григорьева, отмечающая возможности трансформации социальной работы в успешный бизнес по приобретению «вторичных социальных бонусов» и развитие социальной политики, зашедшее в тупик [7].

Таким образом, возможности для социального исключения расширяются, тем самым увеличивая спектр практик, попадающих в число ненормативных, а «портрет» нарушителя социального порядка лишается индивидуальных черт, стандартизируется. Вместо конкретного человека с его собственной биографией возникают «категории», более того, «маргинальные категории населения», такие как наркоманы, проститутки, алкоголики и т. п. Процесс бюрократической обработки конкретного человека технологиями современной социальной работы, превращающими его в представителя группы, имеющей или не имеющей право на помощь, наглядно проанализирован Н. Луманом [16]. Фактически речь идет об «ограничениях альтернатив, доступных субъекту или субъектам деятельности в данных условиях или обстоятельствах», о чем пишет Э. Гидденс [6, с. 58].

Структуральные принуждения в гиденсовском смысле во многом пересекаются с интерпретацией М. Фуко позитивных технологий власти и актуальными концепциями включения/исключения. В качестве примера позитивной власти Фуко сравнивает разные политики контроля в случаях исключения прокаженных и включения зачумленных. Исключение прокаженных было социальной практикой, направленной на жесткое разграничение массы больных и массы здоровых, разрыв контактов одних с другими и, в конечном счете, изгнание прокаженных не только за пределы общины, но и города, с юридической, политической и, возможно, даже моральной дисквалификацией. Изгнанные, выброшенные в неупорядоченный внешний мир, они объявлялись мертвыми.

При контроле над распространением чумы и зачумленными включались абсолютно противоположные механизмы власти — механизмы включения. Город в состоянии чумы разделялся на округа, округа на кварталы, кварталы на улицы, каждый из сегментов города контролировался наблюдателями, управляющими, комендантами, эшевенами и т. п., тем самым во всем городе организовывалась непрерывная власть. И эта власть была направлена на непрерывающееся наблюдение с близкого расстояния, фиксацию изменений, изучение индивидуальных особенностей течения и распространения болезни и т. д. Разница между этими двумя технологиями, подчеркивает Фуко, заключается еще и в том, что в первом случае речь идет о «массе» больных, не имеющей никаких индивидуальных черт, в которой все имеют одинаковую, универсальную историю болезни. А во втором речь идет об индивидуализации больных, происходящей как следствие «серии мелких и постоянно регистрируемых отличий между заболевшими и не заболевшими» [23]. Следствием этого является изгнание одних и попытка спасти, насколько это возможно, других.

Понятие нетипичность/чуждость, которое также позиционируется в континууме включения/исключения, возникает на стыке антропологического и культурологического дискурсов. «Нетипичность представляет собой интерсубъективную категорию, передающую смысл ситуации неопределенности типа действия или типа личности в современной повседневности, представленной разнообразными социальными практиками исключения» [28, с. 87]. Согласно этому определению нетипичность можно представить как состояние нестабильности, неопределенности, непонятности. Поэтому, если придерживаться логики здравого смысла, все нетипичное нам чуждо. По своей сути, чужак хуже, чем преступник или больной. Даже не являясь врагом, он представляет собой, как пишет Г. Зиммель, символ неизвестного, опасного для социальной жизни [35]. «Континуум нетипичности/инаковости» может располагаться, например, между типом отчуждения, основанного на жизни на окраине большого города (жители периферийных

районов – жители центра города), и противопоставлением мигрантов из других стран и местных жителей (мигранты, «понаехавшие» – местные). Внутри этого континуума помещается разделяемый большинством набор признаков, отличающих «чужака» от «своего». Чаще всего эти признаки внешние, поэтому их обладатели без труда распознаются и номинируются как отклоняющиеся от общепринятой нормы. К таким признакам относятся: цвет кожи, физическое состояние тела, особенности речи (специфический акцент), одежда и проч. Следовательно, помимо очевидных «чужаков-приезжих» среди исключаемых оказываются люди с физическими недостатками (не всегда инвалиды), бомжи или определяемые как бомжи, люди с психическими заболеваниями и т. д.

В современном российском обществе, на наш взгляд, значительно увеличивается количество примеров структурального ограничения со стороны власти. В стремлении к воплощению мифа о «порядке» и «твердой руке» наше общество вновь оказалось в собственной ловушке. Спецификой последнего десятилетия является усиливающаяся бюрократизация всех процессов, следствием которой становится выстраивание, в обход бюрократических «тисков», неформальных отношений на совершенно разных операциональных уровнях общества, с одной стороны, и усиление самоохранительных мер со стороны властей разного уровня — с другой, что значительно расширяет возможности для исключения индивидов, принадлежащих различным социальным группам. Ярким примером таких мер являются реформа милиции, расширившая властные (силовые) полномочия полицейских при взаимодействии с обществом, и внесенные поправки в статью о проведении митингов, более направленные на «перекрытие» воздуха протестной активности, чем на ее формальное регулирование.

Заключение

Итак, глобализация исключения и барьеры включения, распространение девиантных практик и трансформация наказания — взаимосвязанные элементы единой глобализирующейся системы социального порядка. Вопрос, почему эта система стала именно такой, скорее риторический и не имеющий четкого, однозначного ответа. Возможно, объяснение этого процесса лежит в изучении его предпосылок и динамики, а не анализе уже сложившейся ситуации. Очевидно, что многое объясняется через изучение механизмов власти современного государства.

Очевидно, что «чем больше и неограниченнее власть государства, тем значительнее роль его слова» [11, с. 153], причем слово государства отличается от слова в привычном смысле не только тем, что, будучи произнесенным, эхом разлетается через каналы СМИ, но и тем, что, фиксируясь в указах и постановлениях, вскоре переносится в законы. В

свою очередь, эти документы представляют собой расписанную наперед карту социального пространства, куда помещаются, а иногда и втискиваются современные общества. В этом пространстве к очевидной линии бедность/богатство добавляется теперь не менее жесткая линия социальное включение/исключение.

На данном историческом отрезке российское общество все больше оказывается в рамках гиденсовского «негативного принуждения», исключающего возможности для той деятельности, которую выбирает само общество, и те социальные группы, которые сопротивляются незаконным установлениям властей разного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 158–166.
2. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2004.
3. *Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ.; Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
4. *Бурдые П.* Различение: социальная критика суждения // Пер. с фр. О.И. Кирчик // *Экономическая социология*. 2008. № 3. Т 6.
5. *Веселов Ю.В.* Бедность по-русски // *Аргументы и факты*. 2011. № 51. [URL: <www.spb.aif.ru>].
6. *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005.
7. *Григорьева И.А.* Развитие социальной работы в российском обществе потребления // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Спец. выпуск. 2011. № 5 (58). С. 287–298.
8. *Григорьева И.А.* Социализация в процессах исключения/включения // *Отечественные записки*. 2006. № 3.
9. Закон Санкт-Петербурга от 7 марта 2012 года № 108-18 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга “Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге”» [online]. Дата обращения 11.06.2012. URL: <<http://www.rg.ru/2012/03/12/spb-zakon108-18-reg-dok.html>>.
10. *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010.
11. *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг. // *Опыт конструктивистско-структуралистского анализа*. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, Институт социологии РАН, 1996.
12. *Ильин В.И.* Российская глубинка в социальной структуре России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010. Т. XIII. № 4. С. 25–47.
13. *Константиновский Д.Л.* Динамика неравенства: российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999.
14. *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008.

15. *Луман Н.* Медиа коммуникации / Пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. М.: Изд-во «Логос», 2005.
16. *Луман Н.* Формы помощи в процессе изменения общественных условий / Пер. с нем. Д.В. Озирченко, А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 2000. № 1/2.
17. *Лыткина Т.С.* Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 4. № 1. С. 87–109.
18. *Покровский Н.Е.* Дауншифтинг и природа как предмет потребления. Выступление на конференции «Общество потребления: социальные и культурные основания». Санкт-Петербург, СПбГУ, 29 июня 2011 г.
19. *Сен А.* Развитие как свобода / Пер. с англ. Е. Полецкой; Под ред. и с послесл. Р.М. Нуреева. М.: Новое издательство, 2004.
20. *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России. Доклад // Вторые Ковалевские чтения. Материалы научно-практической конференции 17–19 ноября 2007 года / Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2007.
21. *Тихонова Н.Е.* Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 5–17.
22. *Тихонова Н.Е.* Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 25–34.
23. *Фуко М.* Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005.
24. *Шкаратан О.И. и колл.* Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА медиа групп», 2009.
25. *Яницкий О.Н.* О бедности как социальном явлении // Индекс. Народ мрот. 2005. № 21. [online]. Дата обращения 09.06.2012. URL: <www.index.org.ru/journal/21/yanizki21.html>.
26. *Ярошенко С.С.* Бедность независимости: северное село в условиях двойного исключения // Социологические исследования. 2004. № 7.
27. *Ярошенко С.С.* Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 34–42.
28. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997.
29. *Vauman Z.* Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge, UK: Polity, 2004. С. 21–25.
30. *Becker H.* Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York: The Free Press, 1963.
31. *da Costa A.B.* Social exclusion and the new poor: Trends and policy initiatives in Western Europe // Social Exclusion and Anti-Poverty Policy / Ed. by Ch. Gore, J.B. Figueiredo. Geneva: International Institute of Labour Studies, 1997.
32. *Dean H.* Critiquing capabilities: The distractions of a beguiling concept // Critical Social Policy. 2009. Vol. 29. No. 2 [online]. Дата обращения 13.06.2012. URL: <<http://csp.sagepub.com/cgi/content/abstract/29/2/261>>.

33. *Giddens A.* Beyond left and right: The future of radical politics. Cambridge: Polity Press, 1994.
34. *Sen A.* Human rights and capabilities // *Journal of Human Development*. 2005. Vol. 6, No. 2. P. 151–166.
35. *Simmel G.* The stranger // *Georg Simmel on individuality and social forms* / Ed. by D.N. Levine. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1971. P. 143–149.
36. *Taylor P.* The careless state: Wealth and welfare in Britain today. London: Bloomsbury publishing PLS, 2010.
37. *Touraine A.* Face à l'exclusion // *Esprit*. 1991. No. 141.
38. *Wacquant L.* The rise of advanced marginality: Notes on its nature and implications // *Acta Sociologica*. 1996. Vol. 39. No. 2.
39. *Young J.* From inclusive to exclusive society: Nightmares in the European dream // *The new European criminology: Crime and social order in Europe* / Ed. by V. Ruggiero, N. South, I. Taylor. London: Routledge, 1998.